

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ МНЕНИЙ

**В.Н. ПОРУС, профессор,
заведующий кафедрой
НИУ-Высшая школа экономики**

Философский факультет в исследовательском университете: переориентировка целей

Что такое современный философ-исследователь? Каковы критерии исследовательской работы в философии? Как соединить исследовательский и преподавательский процессы? Эти и другие вопросы, связанные с подготовкой философа-исследователя в исследовательском университете, очерчивают проблематику данной статьи.

Ключевые слова: исследовательский университет, подготовка философа-исследователя, исследовательское задание, индивидуальный творческий план, исследовательская ориентация преподавателя.

1. Одна из главных трудностей, с которыми сталкиваются философские факультеты в России, заключается в том, что сегодня оказались неясны цели специального философского образования. Кого готовят эти факультеты? Ответ на этот вопрос тесно увязан со структурой рынка труда и потребностями общества в специалистах такого профиля. Вряд ли кто-то возьмется выразить эти потребности в точных расчетах. Очевидно также, что и в ближайшем будущем положение здесь будет достаточно неопределенным. Я имею в виду прежде всего перспективы преподавания философии (соответственно – кафедр философии) в вузах. Можно допустить, что рынок труда в этом сегменте вскоре сожмется, а общественная потребность в философах-профессионалах, работающих в традиционных для них учреждениях, уменьшится.

Между тем также очевидно, что философские факультеты (по крайней мере, лучшие из них) не испытывают дефицита в абитуриентах. То есть потребность в философском образовании существует, и она держится на определенном, возможно, завышенном уровне независимо от колебаний и движений на рынке труда. По-видимому, общественный запрос на философское образование не находится в значимой корреляции с запросами рынка профессионального труда, на который выходят выпускники философских факультетов.

2. В связи с этим и обнаруживается неопределенность целей, которые ставит перед собой философский факультет. Если, с одной стороны, какая-то часть студентов не стремится в будущем работать в вузах или в исследовательских институтах, то стоит ли расходовать время и усилия на то, чтобы готовить их именно к этой работе? Ведь этим студентам достаточно получить философский кругозор, освоить навыки рационального мышления, приобщиться к философской культуре, чтобы затем, используя эти приобретения, а также получив какую-либо иную специальность или профессию, иметь известные преимущества в конкурентной среде (это трудный, но вполне приемлемый путь карьеры). С другой стороны, есть и такие студенты, кто мотивирован как раз профессиональной деятельностью и стремится к ней, рассчитывая в будущем занять достойное место в философском сообществе.

Проблема состоит в том, что и те, и другие учатся по одним и тем же программам, сдают одни и те же экзамены, читают одни и те же книги, слушают одни и те же лекции с запросами рынка профессионального труда, на который выходят выпускники философских факультетов.

Проблема состоит в том, что и те, и другие учатся по одним и тем же программам, сдают одни и те же экзамены, читают одни и те же книги, слушают одни и те же лек-

ции, вообще говоря, участвуют в одних и тех же образовательных процессах. Понятно, что это создает ситуацию дискомфорта: неизбежное при нынешнем положении вещей снижение исследовательской «планки» в студенческих группах не удовлетворяет, скажем так, будущих ученых и преподавателей, а направленный на профессиональный уровень образовательный процесс оказывается тягостным и даже непосильным для остальных. Добавлю, что именно эти «остальные» составляют на сегодняшний день значимое большинство, что еще более обостряет проблему.

3. От этой проблемы, на мой взгляд, нельзя освободиться, пытаясь достичь некоего среднего уровня, просто говоря, искусственно и насильно «подтягивая» к верхней профессиональной «планке» одних и предлагая другим некий особый путь образования, который может быть пройден только за счет сверхусилий и перерасхода свободного времени, а также, что немало важно, запаса энергии и здоровья. Сейчас так и происходит, и этим во многом объясняется тот факт, что именно среди наиболее «продвинутых» студентов чаще встречаются случаи нервных расстройств, ослабления здоровья и даже психических надрывов.

4. Насколько я могу судить, такое положение обычно для большинства философских факультетов (число которых в России уже превысило всякие разумные пределы). С ним привыкли мириться и даже считают его неизбежным. Но оно может и должно измениться, если философский факультет встраивается в структуру исследовательского университета¹. Дело в том, что в этой структуре профессиональность

и направленность на исследование и новацию являются специально декларируемыми целями. Вся система подготовки специалистов должна быть подчинена этим целям, и значит, надо изменить набор средств, какими должен располагать философский факультет в рамках такого университета.

5. Поговорим сначала о целях. От декларации до практического их достижения – трудная дистанция. Что такое современный философ-исследователь? На этот с виду простой вопрос не так легко ответить. Мы часто называем философским исследованием едва ли не любую статью в журнале соответствующего профиля. А эти статьи, как опять же часто бывает, демонстрируют только способность автора пересказывать чужие мысли. Оценочные критерии «успешного исследования» в философии вообще размыты. Например, можно ли называть исследованиями «Мысли» Паскаля, афоризмы Шопенгауэра, эссе Сиорана? Но кто оспорит, что эти труды оказали исключительное влияние – и не только на философов – на то, что называют «духом времени»? Влияние несравненно большее, чем студии философов-аналитиков, к которым понятие «исследования» может быть применено без особых сомнений.

Согласимся хотя бы в том, что есть приемлемые отличия исследовательской работы в философии, и пока это так, можно не увязать в сложностях, неизбежных при попытках точной дефиниции этих отличий. Доверимся мнениям тех, кого считают представителями «философской элиты». Кого именно – это решает сама жизнь философии в культуре, хотя эти решения и вызывают споры. Пусть же споры идут своим чередом. Мы же согласимся, что исследователи в философии – это не пустое мно-

¹ «Исследовательский университет – высшее учебное заведение, одинаково эффективно осуществляющее образовательную и научную деятельность на основе принципов интеграции науки и образования. Важнейшими отличительными признаками НИУ являются: способность как генерировать знания, так и обеспечивать эффективный трансфер технологий в экономику; проведение широкого спектра фундаментальных и прикладных исследований;

жество и принадлежать к нему – значит соответствовать определенным ожиданиям, так или иначе переводимым на язык оценок.

6. Теперь о средствах достижения этих целей. Прежде всего, на мой взгляд, это дифференциация студенческого контингента. Исследователей нельзя и не нужно делать из всех, а только из способных и желающих. Это означает, что, например, начиная со второго курса бакалавриата надо создавать отдельные студенческие группы, работающие по особым программам. Эти программы должны отличаться от тех, по которым учатся те, кто не стремится или не способен к профессиональной исследовательской деятельности. Каковы эти отличия? Здесь я не могу их сформулировать так, чтобы этого хватило для целостной концепции. Это комплекс проблем, и над их решениями надо сосредоточенно работать. Но кое-что очевидно. Например, для таких программ должна быть значительно увеличена доля исследовательских заданий, изменены функции преподавателя, смещающиеся от лекций и ведения практических (семинарских) занятий к руководству и организации студенческой исследовательской работы. Студенты должны постепенно превращаться в сотрудников и соучастников продуманного и спланированного творческого процесса. Поскольку исследование в философии – это чаще всего индивидуальное дело, которое приобретает коллективные и публичные формы только на стадии обсуждения результатов, роль преподавателей все более должна приближаться к «тьюторской».

Само собой, участие студентов в таких

группах должно быть добровольным, однако не следует искусственно сохранять их численность, чтобы она соответствовала какому-то «приемлемому» уровню. Это, возможно, повлечет за собой увеличение расходов (например, группа в 3–4 человека требует не меньших затрат, чем группа в 10–15 человек), но на это надо идти, иначе пресловутая экономия средств вступит в противоречие с целями университета и факультета.

7. Исследовательские навыки у студентов могут и должны формироваться в соответствии с разными образовательными стратегиями. Например, историко-философское, теоретико-познавательное или логическое исследование стратегически подготавливается иначе, чем участие в практико-ориентированных исследованиях. Разнообразие здесь должно быть нормой. Это хлопотно, но необходимо. Нельзя штамповать исследователей по шаблону. Впрочем, шаблоны вообще не нужны и даже стали бы невозможны, если предоставить максимум свободы руководителям исследовательской работы студентов, магистрантов и аспирантов, освободить их от бессмысленной и дотошной опеки со стороны «контролирующих инстанций».

Главное, от чего следует избавиться исследовательскому университету вообще и философскому факультету в особенности, – это подчинение «стандартам» и применение стандартизованных правил отчетности. Дело даже не в том, что существующие стандарты плохи и ориентируются на подготовку некоего усредненного «специалиста», пригодного в дальнейшем только на то, чтобы стать материалом для дальней-

наличие высокоэффективной системы подготовки магистров и кадров высшей квалификации, развитой системы программ переподготовки и повышения квалификации. Практически НИУ должен являться интегрированным научно-образовательным центром или включать ряд таких центров в виде совокупности структурных подразделений, осуществляющих проведение исследований по общему научному направлению и подготовку кадров для определенных высокотехнологичных секторов экономики» (Интернет-ресурс – Официальный сайт Министерства образования и науки РФ: <http://mon.gov.ru/pro/niu/>).

шей «профессионализации» (в лучшем случае). *Плоха сама идея образовательного стандарта*, если речь идет о подготовке ученого-исследователя или преподавателя-профессионала. Слишком велики различия интересов, способностей, личных особенностей как студентов, так и преподавателей-тьюторов, профессоров, способных создавать свои «школы» или целенаправленные исследовательские коллективы. Слишком многообразны понятийные и методологические направления в современной философии (исследователь должен не только знакомиться с этим многообразием, но и лично участвовать в работе какого-либо из них). *Единственным и решающим критерием успеха исследования должен стать вклад в решение или анализ той или иной проблемы*. Этим, конечно, он резко отличен от критериев, какими повсеместно пользуются: обладание усвоенными знаниями, высосанный из пальца уровень «компетентности» и т.п., из чего, разумеется, не следует, что можно пренебрегать усвоением знаний; это было бы явной глупостью. Но дело-то в том, что само по себе обладание знаниями не делает человека исследователем, а отсутствие знаний делает невозможным исследование. Поэтому так называемая «компетентность» проявляется не на зачетах и экзаменах, а в том, способен ли специалист выполнять функцию исследователя, достигает ли каких-то значимых результатов.

На место «стандартов» должны прийти

индивидуальные творческие планы, осуществляемые под руководством опытных и непосредственно участвующих в исследовательской работе преподавателей. Им же и следует поручить оценку успеваемости студентов. Необходимо самым решительным образом изгнать из философских факультетов исследовательских университетов (я имею в виду, конечно, философские, а не иные дисциплины, входящие в образовательные программы и учебные планы) даже самую возможность проверки способностей к исследованию с помощью каких бы то ни было «тестов» или стандартных вопросов. Если и нужно сохранить форму экзаменов и зачетов, то они должны проводиться в форме профессионального собеседования по заданной проблеме, когда испытуемый выступает не как человек, которого допрашивают, чтобы установить степень его прилежания или добросовестности, а в роли участника мыслительного процесса, качество которого зависит от интенсивности его, студента, усилий.

Замечу, что идея «тестирования» часто связывается с борьбой против коррупции. Дескать, формализованный, или «машинный», процесс проверки знаний подрывает возможность использовать экзамены или зачеты как способ повышения благосостояния преподавателей за счет студенческих взяток². Что сказать? Известно, что лучший способ борьбы с перхотью – гильотина. Если цель – подготовка исследователей, то борьбу с коррупцией, мешающей дости-

² Об уровне коррупции в вузах и о том, в какой балаган часто превращаются так называемые экзамены, сейчас не пишет только ленивый. Вот свежая информация: «Всероссийский интернет-опрос российских студентов показал, что 35% российских студентов планируют обмануть экзаменатора с помощью технических средств, сообщает Career.ru [7 июня 2011]. На свои знания на экзаменах надеются 55% студентов. Традиционные бумажные шпаргалки планируют использовать 15% студентов. Однако более 30% учащихся планируют использовать не бумагу, а специальные технические средства. Больше всего любителей «техники» среди второкурсников (56%). На втором месте идут пятикурсники (37%), от них немного отстают третьекурсники (36%). Среди аспирантов использовать технические устройства на экзаменах планируют лишь 6% опрошенных. Самым популярным приспособлением для сдачи экзамена списывающие студенты считают мобильный телефон (37%), вслед за которым по популярности следует КПК (22%). Помимо этого, 4% студентов заявили, что будут использовать на экзамене средства «из арсенала спецслужб». О том, как именно выглядят эти средства,

жению этой цели, надо поставить на совершенно иной уровень. И прежде всего – это создание такой атмосферы в исследовательском университете, в которой коррупция или мошенничество не могут прижиться и выжить. И, ради бога, не надо вздыхать: утопия, мечтательство... Разумеется, это сложнее, чем полагаться на механизмы. Но такая борьба, в которой машинам отводится едва ли не главная роль, ведет к неизбежному поражению людей.

8. Коренным образом должно изменить роль так называемых «профессорских лекций». Их функция не в том, чтобы заполнять пустоты в головах студентов, если последние готовятся к исследовательской работе (особенно в условиях всевозрастающей интенсивности всевозможных информационных потоков!). Лекции следует рассматривать как определение круга важных проблем, как установку на творческую работу, как сообщение об исследовательских результатах самого лектора, указание на их место в современных дискуссиях, как информацию о положении дел на передовом рубеже мировых исследований по данной конкретной теме. Количество таких лекций может быть резко уменьшено; каждая такая лекция должна стать заметным событием. Профессор или доцент свое основное рабочее время должны проводить не в переполненных или в пустующих (как нередко, к сожалению, бывает) аудиториях, а в кругу своих учеников, занятых теми же вопросами, какими он непосредственно занимается. Это, разумеется, не должно вести к ухудшению их, профессоров и преподавателей, материального положения; им следует платить не за количество часов, отработанных на лекциях или семинарах, а за весь комплекс усилий, направленных на

подготовку специалистов-исследователей. Как измерять эти усилия – вопрос сложный, но не неразрешимый, надо только отнестись к нему всерьез и не бояться нестандартных решений.

9. Совершенно недопустимо, когда будущие философы-исследователи готовятся к экзаменам или зачетам по *стандартным учебникам* (среди которых выделяются «грифованные» разными «руководящими инстанциями»). Следует приветствовать и всячески поощрять создание и выпуск (возможно, в электронном виде, хотя здесь также надо преодолеть ряд правовых и иных затруднений) курсов лекций, которые могут быть совсем непохожими у разных профессоров и лекторов. Вообще говоря, в процессе обеспечения будущих исследователей учебно-методической литературой и другими средствами обучения надо взять за цель именно «нестандартный» подход, отсутствие рутины, развитие свежих, оригинальных направлений и методологических разработок.

10. Важнейшей составляющей процесса подготовки исследователей на философском факультете должна стать совокупность условий, при которых бакалавры и магистры, аспиранты и молодые преподаватели, получили бы более широкий, чем ныне, доступ к публикации своих результатов. Существующие возможности слишком малы и способны служить только очень ограниченным (часто только карьерным) целям. Нормой должно стать такое положение, при котором работы молодых исследователей не только публикуются, но и открыто обсуждаются, так что результаты обсуждения оказываются не менее важными, чем сами эти работы. Сейчас такие пуб-

студенты социологам не рассказали. Опрос был проведен в период с 1 по 7 июня на сайте Sageer.ru. В опросе приняли участие 2000 человек. В середине мая в ходе аналогичного опроса выяснилось, что более четверти (27%) студентов дает взятки. Большинство из них давали взятки 1–2 раза (15%). Однако есть и такие, кто давал взятки 3–5 раз (8%) и более 5 раз (4%)» (Интернет-ресурс: <http://www.bfm.ru>).

ликации выступают в лучшем случае как формы поощрения наиболее «продвинутых» студентов-исследователей или, в худшем случае, как следствия специфической активности влиятельных руководителей, проталкивающих работы своих подопечных в печать.

Все это ставит трудную, но опять-таки решаемую задачу: нужны постоянные издания, площадь которых следует предоставлять преимущественно молодым исследователям. Эта деятельность затратна, но затраты здесь абсолютно необходимы. Лучше назвать их инвестициями. Вести такие издания также должны молодые исследователи (не исключая и студентов-магистрантов), а общее руководство ими надо считать важной частью работы профессоров и преподавателей, с соответствующей оплатой этого труда.

11. Серьезным препятствием для подготовки философов-исследователей является оторванность от других исследовательских специальностей и направлений. Среди причин надо назвать перегрузку учебными часами и аудиторными занятиями. Часто студенту приходится пропускать те или иные занятия (легально или не очень), чтобы посетить важные для его исследовательской работы мероприятия (научные конференции, публичные лекции ведущих специалистов, встречи интеллектуалов и т. д.). Надо максимально расширить круг студенческой свободы, заодно повысив требовательность к тем, кто сознательно и ответственно входит в этот круг.

12. Наконец, the last but not the least, необходимо внести принципиальные изменения в профессиональную ориентацию преподавателя в исследовательском университете. Это ориентация на исследование. В лучших университетах отчетливо проявляется стремление к этому, но пока можно говорить только о первых шагах по этому пути. Это, пожалуй, самый трудный момент

в становлении исследовательского университета. И дело не только в инерции. Конечно, преподавательская работа многопланова. Талантливый педагог может не вести собственных исследований, но быть незаменимым в образовательном процессе. И наоборот, талантливый исследователь часто не находит себя в преподавании, оказывается лишней фигурой в аудитории. Все это давно известно. Но речь не о таких банальностях — о том, чтобы исследовательская работа стала важнейшей составляющей при формировании «нагрузок» преподавателей, которые сейчас в основном зависят от количества часов, отпущенных на те или иные дисциплины по учебным планам. Иначе сказать, преподавателям платят за то, что они обучают студентов, а не за их исследования. В лучшем случае, они получают «надбавки» к зарплате, стимулирующие их исследовательскую работу. В Высшей школе экономики это весьма ощутимые надбавки, что положительно сказывается на повышении уровня преподавателей. Но это не решает проблему. А ее суть в том, чтобы исследования в исследовательском университете были не дополнением к основной деятельности, а составляли именно эту основу. Исследовательский и преподавательский процессы должны быть сплавлены в единое целое, подчиниться одной задаче. Только тогда можно говорить об исследовательском университете как об осознанной и реализуемой цели.

* * *

Этими заметками кратко очерчена проблемная область, в какой надо разбираться при серьезной, а не демонстративной реализации планов превращения философского факультета в место, где готовят специалистов-исследователей и преподавателей-профессионалов. Конечно, каждую из этих проблем надо обсуждать всесторонне, обращая внимание на последствия тех или иных преобразований. Сюда надо отнести как последствия, связанные со спецификой каждого университета, так и те, что связаны с

общей ситуацией в системе российского высшего образования. Трудности очевидны. Но не надо их преувеличивать. Много можно

сделать, если к делу приступить с решимостью, которой иногда так не хватает.

PORUS V. FACULTY OF PHILOSOPHY IN RESEARCH UNIVERSITY

Who is the modern philosopher-researcher? What criteria of research work are relevant in philosophy? How the research and teaching processes can be combined? These and some other questions concerning training of the philosopher-researcher at the research university outline the subject-matter of the article.

Keywords: research university, philosopher-researcher training, research task, individual plan of research work, lecturer's research orientation.

**А.С. РОБОТОВА, профессор
РГПУ имени А.И. Герцена**

Об особенностях современного научно- педагогического дискурса

Читателя может насторожить критическая направленность статьи. Однако авторский скепсис по поводу научно-педагогического дискурса обусловлен лишь стремлением понять существующее положение дел, увидеть пути улучшения подготовки (далее употребляю стандартное словосочетание) кадров высшей квалификации. Чем далее идёт мой путь преподавателя и учёного, тем острее вижу, что моя энергия часто уходит на элементарную правку текстов научных работ, устных выступлений аспирантов, магистрантов, учителей-конкурсантов. При этом правка очень часто касается как содержания и структуры, так и общего стиля речи, синтаксиса, устранения логических «несстыковок», тавтологий, банальностей, декларативности и риторики, не подтверждённой доказательствами, кочующих из работы в работу словесных штампов. Во множестве текстов прослеживается субъективизм, неоправданное словотворчество, недооценка научной аргументации, подмена её общими рассуждениями, невнимание к логике. Эта работа отнимает время, необходимое для концептуального анализа, научного консультирования. Убеждена: настало время, когда просто необходимо говорить о качестве научно-педагогического дискурса.

Чтение и анализ диссертаций, авторефератов, публикаций, написание отзывов, заключений, слушание публичных выступлений, правка текстов — всё это перестаёт быть скучным и малоприятным делом, если в нём видишь смысл. Чтобы написать отзыв, подготовить критическое замечание, вступить в полемику на Совете, выправить текст, дать совет по его улучшению, написать собственную статью (главу монографии, пособия, лекцию), приходится активно и осознанно мобилизовывать интеллектуальные, речевые, коммуникативные ресурсы. Без осознанного понимания, что такая деятельность имеет онтологический смысл, легко

опуститься до формально-снисходительного отношения к науке, которой ты занимаешься. Отсюда самые печальные следствия: «свадебное» присутствие на учёных мероприятиях, допуск возможности подписать готовый отзыв, формальное, без внутреннего воодушевления публичное выступление, рецензирование по долгу службы и пр., и пр.

Дискурс учёного-гуманитария лично стно нагружен, неотделим от мотивации его научно-познавательной, исследовательской, творческо-писательской деятельности. Именно поэтому от того, как ты пишешь, выступаешь, рецензируешь, кон-